

Василий Жарков, Московская высшая школа социальных и экономических наук («Шанинка») Тему своего выступления я озаглавил так: «Миф о конце истории Фукуямы и новое мышление». Поскольку мы действительно отмечаем еще и 30-летний юбилей выхода статьи Фукуямы в журнале “National Interest”, которая была опубликована летом 89-го года*. В этой статье и был, собственно, поставлен вопрос о конце истории.

Так вот, наверное, имеет смысл вернуться к основным тезисам Фукуямы тридцать лет спустя и посмотреть, в том числе, на то, что из этих тезисов остается актуальным для нас сегодня. И какие, может быть, его прогнозы, которые высказывались в то время, сегодня могут считаться сбывшимися, а не напротив, как ему приписывается.

Надо сказать, что Фукуяма в самом начале своей статьи говорит, что многие авторы, которые бросились рассуждать о конце холодной войны, в скором времени, вероятно, разочаруются в этом. Потому что за их выступлениями нет никакой твердой концепции. Скорее всего, они изменят свою позицию и будут говорить о новой эпохе конфронтации. Этому Фукуяма пытается противопоставить некий серьезный фундаментальный концепт, который он ищет в идеализме. Он не скрывает своего идеализма как в целом приверженности этому направлению в философии, так и идеализма в теории международных отношений.

Следуя за Гегелем и Кожевым, он говорит, что борьба за наш мир происходит на уровне больших идей. И в этом плане констатирует, что по итогам XX века фактически либерализм остался единственной идеологией, единственной большой картиной мира, которая уцелела в результате тех событий, которые происходили на протяжении столетия.

Конечно, если посмотреть на истоки его концепции, то Фукуяма берет ее у Гегеля в трактовке Александра Кожева, который вел конец истории от 1806 года, от битвы, проигранной Прусским королевством Наполеону под Йеной. Собственно, в этот момент Гегель впервые заговорил о возможном конце истории на фоне того, что революционные идеи Французской революции, идеи свободы и равенства впервые утвердились на большей территории Европы. Отталкиваясь от этого, Кожев формулирует гипотезу о фактическом конце истории. Поскольку дальше надо только ждать, когда идеи, победившие в мире идеологии, захватят реальный материальный мир.

В 1989-м году Фукуяма констатирует очередной успех либеральной идеологии в противостоянии с фашизмом, который проиграл в ходе Второй мировой войны, и с коммунизмом, который проиграл в конце 80-ых. При этом Фукуяма настаивает на том, что проигрыш произошел в сфере идей, в первую очередь, а не в экономике (на

«материальном» уровне). Поскольку, в частности, отказ Советского Союза от коммунистической идеологии, от марксизма-ленинизма был связан не столько с материальными предпосылками, которые, с точки зрения Фукуямы, были известны достаточно давно, а произошел именно в головах людей, в сознании элит, которые отказались от марксизма-ленинизма как устаревшей идеологии.

Если говорить о международном аспекте, то сама идея «конца истории» вырастающая из осмысления итога битвы при Йене, непосредственно связана с международными отношениями. Таким образом они явились толчком дальнейшего развития концепции конца истории. Но повторяю: Фукуяма не говорит о том, что конец истории окончательно совершился. Он утверждает о том, что победа либерализма произошла на уровне больших идеологий. Что, помимо либерализма, не осталось ни одной идеологии, способной мобилизовать все человечество.

При этом он оговаривается, что существуют еще два вызова. И они, на самом деле, актуальны для нас сегодня.

Первый вызов – религиозный фундаментализм. Однако Фукуяма подчеркивает, что религиозный фундаментализм связан с определенной конфессиональной принадлежностью. Теократические государства, которые в целом проиграли либерализму еще на заре нового времени, сегодня могут быть популярны только среди исламских фундаменталистов. В то время, как не-мусульмане никогда не поддержат этого движения. Следовательно, исламский фундаментализм не может рассчитывать на универсальность. Он никогда не сможет захватить мир во всех его точках, как это мог делать, например, коммунизм.

Другой вызов – национализм, который, тем не менее, неоднозначен и неоднороден, далеко не все националистические движения предлагают универсальную социально-экономическую повестку. Так, «мягкий национализм» может быть использован либерализмом.

Что же касается национализма, который противостоит либерализму, то Фукуяма, скорее, связывает его распространение с недостатком, нехваткой либерализма. Речь идет о том, что в ряде стран до сих пор не установлены либерально-демократические порядки, и национализм в этих странах используют для борьбы с либерально-демократической повесткой. Собственно говоря, в этом пункте – важный переход в отношении будущего России, хотя в 1989 году Фукуяма, естественно, еще говорит о Советском Союзе.

Он не считает, что можно просто использовать идеологию и практику Российской империи, и говорит, что это вряд ли произойдет. Фукуяма делает предположение о двух альтернативах будущего страны. Одна - новое политическое мышление. Горбачевскую

концепцию нового мышления Фукуяма называет прорывным событием в советской истории. Непреходящее значение нового мышления в том, что, с одной стороны, оно разрушает сталинизм, сталинские институты и нормы. С другой стороны, новое мышление соответствует миру, в котором доминируют экономические интересы, отсутствуют идеологические основания для серьезного конфликта между нациями и в котором, следовательно, проявление военной силы становится все более незаконным.

Согласно Фукуяме, новое политическое мышление – это советская версия либерализма. Та версия либерализма, которая была доступна Советскому Союзу на этапе второй половины 80-х годов. И Фукуяма признает, что приверженность этому направлению была бы наиболее подходящей для СССР, поскольку, руководствуясь им, страна, скорее всего, сделает выбор, который сделали западные европейские страны после 1945-го года, отказавшись от радикального национализма.

В то же время Фукуяма отмечает, что ослабление марксизма-ленинизма в 80-е годы усиливает другую альтернативу, связанную с «великорусским шовинизмом». Он констатирует, что Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую 45 лет назад выбрала Западная Европа и по которой последовало большинство азиатских стран. Либо уверенный в собственной уникальности, застрянет на месте. Сделанный выбор будет иметь огромное значение. Как пишет Фукуяма, «если учесть территорию и военную мощь Союза, он по-прежнему будет поглощать наше внимание, мешая сознанию того, что мы находимся уже по ту сторону истории».

Хочу обратить внимание именно на эти слова. В известной степени они оказались почти пророческими в отношении того, что сегодня происходит в отношениях России и Запада. Более того, Фукуяма говорит о том, что конфликты в будущем, скорее всего, неизбежны, потому что мир остается разделенным. С одной стороны, есть постисторическая его часть - часть стран Запада, евроатлантического блока. С другой стороны, существует другая часть мира, где «история продолжается».

И все-таки, даже при этом условии, считает Фукуяма, ни одна большая страна уже не предлагает никакой альтернативной идеологии. И ни одна большая страна, следовательно, не способна противостоять постисторическому конгломерату государств. Из этого следует, что в мировой повестке остаются две большие проблемы – терроризм и национально-освободительные войны.

Фукуяма говорит о том, что национализм, скорее всего, приведет к росту, даже усилению конфликтов на межнациональной почве и росту терроризма и национально-освободительных войн. Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в рамках истории. Но они-то как раз, отмечает Фукуяма, «уходят с

исторической сцены». Их уход связан прежде всего с тем, что никто кроме либеральных демократий не способен предложить большую идеологию. Вероятно, отличительная черта новой версии холодной войны состоит именно в этом.

Хотя концепция Фукуямы, предложенный им идеалистический взгляд на историю и международные отношения, главным образом, подвергалась критике со стороны левых интеллектуалов, со стороны марксистов, в этом последнем тезисе Фукуяма не противоречит своим оппонентам

Например, Эрик Хобсбаум** точно так же рассматривал историю XX века как борьбу религий, под которыми он подразумевал большие идеологические конструкты. Нельзя сказать, что Фукуяма приложил нечто экстраординарное, выпадающее из того, что обсуждалось в западной литературе на рубеже 80-90-х годов прошлого века. Более того, Фукуяма во многом солидарен со своими оппонентами. И те, и другие приходят к схожим выводам. Скажем, Бенно Тешке*** приходит к аналогичным выводам применительно к международным отношениям, но с позиции марксизма.

Фукуяма не утверждал, что Советский Союз сразу станет либеральной страной. Он говорил, что «перестройка вряд ли будет столь успешной, чтобы в обозримом будущем к этой стране можно было применить подобную характеристику». Что вряд ли в России сразу утвердятся либерально-демократические идеи. Для этого потребуется много времени, в течение которого Россия будет, скорее всего, медленно уходить с политической сцены, создавая один из самых значительных вызовов для мира постистории и, тем самым, отодвигая «конец истории» на дальнюю перспективу.

Сейчас то, о чем которой Фукуяма предупреждал тридцать лет назад, стало повседневностью. Думаю, обвинение в том, что Фукуяма нереалистичен в своих оценках, – сильное упрощение. Он говорил о «конце истории» применительно не к материальному миру, а к борьбе идей, где это действительно имеет место. Сегодня мы не найдем большой идеологии, которая могла бы противостоять либерализму, хотя такие попытки предпринимаются. И, по большому счету, можно сказать, что Фукуяма нарисовал достаточно реалистичный прогноз.

Поэтому для нас сейчас важным напоминанием являются его слова о новом политическом мышлении, которое дает России шанс быть в диалоге с «постисторическим миром». На этом была основана политика, приведшая в 1989-м к окончанию холодной войны.

Тридцать лет спустя возвращение к новому мышлению необходимо, чтобы вновь перейти от конфронтации к диалогу. Альтернативой этому может стать только реальный конец истории.

*Фрэнсис Фукуяма «Конец истории?» Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 84—118.

<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf>

**Эрик Хобсбаум Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). — М.: Издательство Независимая Газета, 2004. ; Эрик Хобсбаум Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России http://scepsis.net/library/id_421.html

***Тешке, Бенно. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений [Текст] / Бенно Тешке ; пер. с англ. Д. Кралечкина. - Москва: Издательский дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2011